

ЖАК РУ и ЯКОБИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1793 г.

Я. М. Захер

В сборнике «Из истории якобинской диктатуры (1793-1794)».
Одесса, Одесский государственный университет. 1962. С.317-344.

К веб-публикации подготовили Люсиль, Э.Пашковский © Vive Liberta 2006

Из всей деятельности группы «бешеных», в общей сложности (если считать всю группу в целом и не принимать во внимание Варле, остававшегося на исторической сцене значительно дольше)¹ продолжавшейся около года, — с осени 1792 г. по осень 1793 г., — наибольший интерес историка вызывает ее деятельность летом 1793 г. Объясняется это тем, что если до восстания 31 мая—2 июня совместная борьба против жирондистов в значительной степени сглаживала противоречия между якобинцами и «бешеными», то после падения «фракции Бриссо и Ролана» противоречия эти не могли не выявиться во всей их остроте. Именно поэтому причины, повлекшие за собой осенью 1793 г. разгром «бешеных» якобинцами, полностью сложились еще в июне—июле, т.е. за несколько месяцев до катастрофы. И если якобинцам не удалось именно тогда покончить с этими их противниками слева, то объясняется это отнюдь не отсутствием у них соответствующего желания, а лишь тем, что в исключительно обостренной в этот момент обстановке внешней и гражданской войны якобинская революционная буржуазия нуждалась в активной поддержке плебейских масс.

В чем же заключались в это время причины противоречий между якобинцами и «бешеными»?

Для ответа на этот вопрос у нас имеется исключительно ценный источник, в свое время частично использованный Жоресом², а ныне с чрезвычайно ценными и подробными комментариями опубликованный Вальтером Марковым.³ Мы имеем в виду сохранившуюся среди бумаг Жака Ру рукопись его проповеди под названием «Речь о причинах несчастий Французской республики».⁴ Как это убедительно доказал Вальтер Марков. «Речь» эта была, по-видимому, написана не сразу, а в несколько приемов, в промежутке времени между 26 мая и 10 июня 1793 г.

С внешней стороны рукопись эта представляет собой ряд мелко исписанных листков, представляющих для расшифровки величайшие трудности. Некоторые страницы написаны на оборотной стороне повесток о заседаниях Коммуны, адресованных Жаку Ру писем и т. д. Как показывает протокол допроса Жака Ру в департаменте полиции Парижской Коммуны в августе 1793 г., рукопись этой его проповеди была, наряду с другими бумагами, отобрана у него при аресте и этим путем попала в его судебное дело. Есть основание предполагать, что Жак Ру думал напечатать свою проповедь в виде отдельной брошюры.⁵ Однако какие-то причины помешали Жаку Ру осуществить это его намерение.

«Речь о причинах несчастий Французской Республики» делится на две части (parties), которым предшествует вступление. «Не очень-то легкая задача выявить причины бедствий Французской Республики», — говорит Жак Ру в начале первой части своей речи.

Подчеркнув существующую до сих пор безнаказанность ряда крупнейших преступлений и перечислив все злодеяния членов Учредительного и Законодательного собраний⁶, Жак Ру затем продолжает: «Не думайте, граждане, что я хочу унижить народное представительство и установленные власти. Я знаю, что временные и свободно избранные представители являются оплотом свободы. Я знаю, что исходящие от их мудрости законы являются живым доказательством народного суверенитета и никто иной, как я, произнес не одну похвалу народным представителям, проникнутым сознанием святости их долга... Но вместе с тем нельзя не признать, что добродетели подлинных друзей равенства растворилась среди низости толпы изменников, подобно тому, как маленький ручеек растворяется в широкой реке. Впрочем, я не буду никого обвинять, а лишь изложу факты».⁷

Переходя к рассмотрению преступлений жирондистов, Жак Ру прежде всего вменяет им в виду их внешнюю политику. В то время, как в своих предыдущих работах он ни словом не обмолвился по вопросу о военной политике жирондистов, теперь Жак Ру решительно осуждает начатую ими в 1792 г. войну.⁸

Остановившись затем на многочисленных опасностях внутреннего характера, пережитых Францией до 10 августа 1792 г.⁹, Жак Ру обращается к поведению жирондистов в первые месяцы существования Национального Конвента и обвиняет их в давлении на ход выборов¹⁰, в стремлении восстановить провинцию против Парижа и во всевозможных ухищрениях для спасения жизни Людовика XVI.¹¹

«Но торжество преступлений, подобно свету молнии, озаряет пропасть, которая должна поглотить предателей. Поруганная свобода нашла себе защитников. Голова тирана скатилась с его плеч, и маска мерзавцев, надеявшихся восстановить монархию на развалинах залитой кровью Франции, сорвана с их лица... Да послужит же Национальный Конвент объединяющим нас всех лозунгом! Священная гора раздавила под своей тяжестью чудовища, стремившиеся навязать нам короля и наложить на нас оковы. Поддержим же своей храбростью ее доблестные усилия, защитим нашими телами святилище закона и поднимемся, чтобы уничтожить тех, кто хотят федерализовать республику, куют цепи для человеческого рода и препятствуют триумфальному маршу свободы»¹² (курсив наш — Я.З.).

Во второй части своей речи Жак Ру обращается к выяснению вредного действия отсутствия того, что он называет «общественным духом»: «Если безнаказанность преступлений вызвала часть угнетающих нас бедствий, то нужно вместе с тем признать, что недостаток общественного духа в немалой степени содействовал их обострению... Никакая единообразная система национального воспитания не возвысила массу граждан до уровня, необходимого для познания их роли суверена, их достоинства и их обязанностей».¹³ И, расшифровывая это положение, Жак Ру, в полном соответствии с тем, что он ранее уже говорил в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы», рассматривает невежество и отсутствие просвещения, как одну из основных причин существования угнетения, тирании, фанатизма, разврата и прочих постигающих человечество несчастий.¹⁴

Переходя к третьей причине постигших Французскую Республику бедствий — спекуляции, Жак Ру прежде всего отмечает то парадоксальное явление, что развитие революции привело к колоссальному росту ажиотажа, в результате которого трудящийся класс общества лишился возможности существовать на почве, политой его слезами, а богатый получил над бедным право жизни и смерти». ¹⁵

Причиной этого, по мнению Жака Ру, является неправильная политика правительства, допустившего спекуляцию и торговлю звонкой монетой и не принудившего население оккупированных местностей принимать ассигнаты по их нарицательной цене ¹⁶, а также поведение духовенства, не осудившего в своих проповедях спекуляцию и не разъяснившего населению, что «земля принадлежит в равной степени всем людям и что торговля и право собственности не должны заключаться в том, чтобы заставлять своих ближних умирать от голода и нужды». ¹⁷

«Роковой декрет, допустивший посредством торговли деньгами обесценение ассигнатов, дал ростовщикам и контрреволюционерам возможность жиреть за счет общественных бедствий. Крупные собственники, руководимые термометром своей жадности, по своему усмотрению то открывали, то закрывали склады припасов. *Узурпированные духовенством владения и национальные имущества почти целиком перешли в руки людей, обогатившихся за счет крови вдов и сирот, военные и судебские захватили полезные произрастания земли и завладели всеми отраслями торговли*» ¹⁸ (курсив наш — Я.З.).

Подчеркнутые нами слова представляют, без всякого сомнения, огромный интерес, ибо они позволяют утверждать, что уже летом 1793 года Жак Ру ясно осознал столь характерный для этого периода процесс образования во время и благодаря буржуазной революции «новой», хищнической и паразитической, крупной буржуазии, выросшей на почве спекуляции деньгами, продовольственными припасами, национальными имуществами, поставок на армию и т.д., и т.д. И действительно несколькими строками ниже Жак Ру, обращаясь к представителям этой «новой» буржуазии, подробно рисует следующую картину их обогащения:

«Раскройте перед нами ваши бумажники! Ваше быстрое обогащение лучше всего свидетельствует о ваших разбоях, изменах и злодеяниях! До взятия Бастилии вы были в лохмотьях, а ныне вы своей роскошью оскорбляете общественную нужду. Вы едва ли имели жилище, а ныне вы живете во дворцах. Вы владели лишь сохой, а теперь вы владельцы значительных имений. Вы занимались торговлей вразнос, а теперь вы сооружаете военные корабли. Члены вашей семьи протягивали руку первому встречному и жили лишь милостыней, а теперь им доверено снабжение наших сухопутных и морских сил. Можно ли после этого удивляться, что повсюду встречаешь людей, преданных, на первый взгляд, революции — ведь она предоставила им полную возможность — и притом в течение краткого времени — скопить громадные сокровища, покрыв, вместе с тем, их хищения непроницаемым покровом». ¹⁹

Для оправдания этих хищений новые богачи придумывают всевозможные предлоги. Для того чтобы их разоблачить, Жак Ру рассматривает различные объяснения, выдвигаемые в качестве оправдания дороговизны, и опровергает их одно за другим. Говорят, что дороговизна есть следствие войны, но почему же раньше, при старом режиме, несмотря на многочисленные войны, дороговизны все-таки не было? Да и является ли война достаточным основанием, чтобы дать спекулянтам право обогащаться за счет нищеты народа? «Разве из того, что у нас внешняя война, следует, что аристократ и богач вправе объявить нам еще более ужасающую войну внутри страны?... Если есть обстоятельства, при которых съестные припасы должны быть доступны для трудящегося класса нации, то это именно тогда, когда взбешенная Европа с яростью бросается на нашу территорию». ²⁰

Говорят еще, что дороговизна есть следствие выпуска бумажных денег. Но почему же в других странах, где также находятся в обращении такие деньги, нет дороговизны? «Ясно, таким образом, что и это не может служить основанием, чтобы превращать торговлю в разбой, спекулировать на съестных припасах и свободно распоряжаться богатством и даже жизнью граждан». ²¹

Таковы, по мнению Жака Ру, главные причины постигших французскую республику бедствий. Переходя к способам их устранения, он требует принять самые решительные меры, в том числе — арестовать «всех подозрительных, дворян, неприсягнувших священников, банкиров, менял, спекулянтов, бывших привилегированных, иностранцев, известных своим антигражданским духом, прихвостней контрреволюционной фракции, всех тех, наконец, кто в течение последних, четырех лет создали, себе огромное богатство, покупали и продавали звонкую монету, из принципа сочувствовали старому двору, препятствовали торжеству свободы и видели в республике могилу всех своих надежд» ²³ (курсив наш — Я.З.).

Но главное практическое требование, выдвигаемое Жаком Ру в его «Речи о причинах несчастий Французской Республики», — это решительная борьба с богатыми. «Дадите ли вы богатым возможность продолжать идти по пути злодеяний? Подумайте о том, что почти все богатые по принципу — сторонники преступления и по привычке — соучастники королей. Вы нанесете грозный удар хищникам, которые из поколения в поколение нарушали естественное право, присваивая себе кровь граждан. Вы заставите богатых возратить накопленные ими сокровища.. Эту революционную меру в отношении пиявок общества тем более необходимо принять, что богатые с радостью приветствовали бы приход австрийцев и если бы и взялись за оружие, то лишь для защиты личности и имущества угнетателей» ²⁴ (курсив наш — Я.З.).

Таково содержание «Речи о причинах несчастий Французской республики» и произведенный нами ее анализ с несомненностью позволяет утверждать, что непосредственные результаты восстания 31 мая—2 июня 1793 г. ни в какой мере не удовлетворили Жака Ру. Принятый при жирондистах под давлением плебейских масс закон 4 мая («первый максимум») и декретированный 20 мая принудительный заем у богатых, представляли собой осуществление лишь крайне незначительной части программы экономических требований Жака Ру. Такое же несоответствие существовало и в области политической. В самом деле: в то время как Жак Ру и другие «бешеные» требовали взять в качестве заложников жен и детей эмигрантов, отстранить всех бывших дворян от занимаемых ими должностей в армии и администрации и арестовать т.н. «подозрительных», восстание 2 июня принесло лишь арест вождей жирондистской партии, да и то произведенный в таких условиях, что большинство «бриссотинских» лидеров получило возможность бежать и поднять в провинции знамя контрреволюционного «федералистского» восстания против Конвента. И это было вполне естественно: ведь после восстания 31 мая — 2 июня у власти, как известно, стояли дантонисты, как раз и представлявшие интересы той «новой», спекулятивной буржуазии, против которой была непосредственно направлена вся программа экономических требований «бешеных». Поскольку же дантонистов в июне и начале июля 1793 г. поддерживали робеспьеристы, то ясно, что удовлетворение требований «бешеных» меньше всего входило в то время в задачу якобинцев. Удивительно ли, что «бешеные» и после июня 1793 года продолжали борьбу за удовлетворение своих требований?

Мы, к сожалению, почти ничего не знаем о деятельности Жака Ру в первой половине июня 1793 г. Известно лишь то, что в своем заседании 12 июня «революционный» Генеральный совет Парижской Коммуны поручил Жаку Ру, вместе с тремя другими лицами, редактирование «Бюллетеня Парижской Коммуны»²⁵, уже на следующий день переименованного в «Афиши Парижской Коммуны».²⁶ После этого Жак Ру опять на целую неделю исчезает из поля нашего зрения и лишь 20 июня мы встречаем его в клубе Кордельеров, где он вносит предложение о дополнении обсуждавшегося в эти дни в Конвенте проекта новой конституции. Предложение это было поддержано Кордельерами и сообщено ими Якобинскому клубу.

Соответствующее место отчета о заседании Якобинского клуба 23 июня гласит:

«Являвшаяся депутация общества Кордельеров сообщает проект адреса к Конвенту. Вот его содержание: «Прогоните дворян со всех гражданских и военных должностей. Наши солдаты никогда не достигнут победы, пока ими будут командовать генералы, враждебные свободе. Выслушайте пожелания суверена. В то время, как дома богатых превращены в оружейные и хлебные склады, народу не хватает оружия и продовольствия, дворяне убивают патриотов и т.д. Заставьте декретировать чистку всех генеральных штабов; главное же, добейтесь декрета, подтверждающего тот великий принцип, что предметы продовольствия являются собственностью народа. Пусть будет издан декрет о смертной казни для всех барышников, пусть будет организована революционная армия из всех санкюлотов Парижа.

Общество принимает эти предложения и приветствует энергию общества Кордельеров».²⁷

Как видит читатель, Якобинский клуб в своем заседании 23 июня решил поддержать не только предложение о дополнении конституции новой статьей, направленной против спекуляции, но также и другие предложения, составлявшие в тот момент краеугольный камень программы «бешеных». Однако эта победа Жака Ру оказалась лишь временной: якобинцы, по-видимому, согласились поддержать отстаивавшиеся им требования лишь сгоряча и, разобравшись в чем дело, одумались. По крайней мере, получивший, наконец, слово в заседании Конвента 25 июня Жак Ру выступал лишь как представитель секций Гравилье и Бонн-Нувель и клуба Кордельеров, без какого-либо упоминания о Якобинском клубе.²⁸

«Депутаты французского народа, — так начал свою речь Жак Ру, — уже сто раз в этом священном зале провозгласилось о злодеяниях эскупинов и мшепников, каждый раз заносящих нам унижать пиявкам народа. Конституционный акт будет скоро представлен на утверждение суверена. Запретили вы в нем спекуляцию? Нет. Провозгласили смертную казнь барышникам? Нет. Определили, в чем состоит свобода торговли? Нет. Вот почему мы вам заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа.

Свобода — ни что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство — пустой призрак, когда богатч, благодаря монополии, пользуется правом жизни и смерти по отношению к себе подобным. Пустой призрак и республика, раз изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая цены на продукты, недоступные трем четвертям граждан. Лишь прекращением разбоя негоциантов, который, однако, необходимо отличать от торговли, только предоставив продовольствие санкюлотам, вы привлечете их на сторону революции и объедините вокруг конституционных законов».²⁹

Утверждая далее, что «в течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции», и что законы «созданы лишь богатыми и для богатых»³⁰, Жак Ру переходит к опровержению различных версий о причинах постигшей Францию дороговизны, причем почти дословно повторяет то, что он уже говорил по этому поводу в «Речи о причинах несчастий Французской Республики».³¹ И затем, указав, что падение Жиронды уничтожило препятствия, мешавшие Горе «осуществить то благо, которое она носит в своем сердце»³², Жак Ру продолжал: «...Теперь, во имя спасения республики, закладываем вас предать в конституции анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать тот общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и морить голодом граждан... Декретируйте же в конституционном порядке, что спекуляция, торговля звонкой монетой и барышничество пагубны для общества!...

Неверно было бы возражать, что рабочие получают жалованье, соответствующее росту цен на продукты Правда, промысел некоторых из них, оплачивается дороже, но немало и таких, труд которых за время революции стал расцениваться еще ниже, чем прежде. К тому же и не все граждане — рабочие и не все рабочие имеют работу. Да и среди имеющих таковую есть немало имеющих по 8—10 человек, детей, еще не могущих самих себя прокормить. Что касается женщин, то они вообще не зарабатывают свыше 20 су в день»³³ (курсив наш — Я.З.). Каковы же практические требования, выдвигаемые Жаком Ру на основании этих посылок? Одно из них мы уже видели, — это требование внесения в конституцию статьи, карающей смертью спекуляцию, барышничество и торговлю звонкой монетой. Но этим дело еще далеко не исчерпывается, и Жак Ру естественно вносит в свою петицию ряд других требований, уже выдвигавшихся им в его предыдущих выступлениях.

«Вы без колебания решили поразить смертью тех, кто осмелится предложить короля, и вы хорошо поступили. Вы только что объявили вне закона контрреволюционеров, окрасивших в Марселе эшафоты кровью патриотов, и вы хорошо поступили. Но вы бы имели еще большую заслугу перед отечеством, если бы изгнали из нашей армии дворян и тех, кто получили свои места от двора, если бы вы взяли в качестве заложников жен и детей эмигрантов и заговорщиков, если бы вы пенсии бывших привилегированных обратили на нужды войны, если бы вы конфисковали пользу волонтеров и их вдов богатства, приобретенные за время революции ростовщиками и барышниками, если бы вы изгнали из Конвента тех депутатов, которые вотировали за обращение к народу, если бы вы предали суду революционных трибуналов администраторов, подготовивших федерализм, если бы вы поразили мечом правосудия министров и членов Исполнительного совета, допустивших создание в Вандее ядра контрреволюции; если бы, наконец, вы арестовали тех, кто подписали антигражданские петиции и т.д., и т.д.»³⁴ (курсив наш — Я.З.).

Петиция Жака Ру произвела в Конвенте впечатление разорвавшейся бомбы, и это, конечно, не удивительно. Не говоря уже об остатках жирондистов и депутатах «Болота», против части которых петиция была непосредственно направлена (пункт об апелляциях), и дантонисты не могли спокойно пройти мимо вызова, брошенного Жаком Ру той «новой», спекулятивной буржуазии, интересы которой они выражали. Что касается робеспьеристов, то необходимо отметить, что одной из задач, которые они себе ставили, спешно принимая проект конституции, являлось облегчение возможности примирения с жирондистами. Это ясно видно из доклада Сен-Жюста 8 июля 1793 г., в котором он подчеркивал, что, Конвент, «дав Республике определенную форму управления», вместе с тем принятой им конституцией «просветил народ, успокоил испуганных собственников и положил предел анархии» (курсив наш — Я.З.). На этом основании Сен-Жюст, утверждая, что в намерениях Конвента входит наказать только злонамеренных, но отнюдь не добросовестно ошибающихся, призывал всех французов «объединиться вокруг своей конституции».³⁵

Таким образом, совершенно ясно, что осуществление требований «бешеных» сделало бы невозможными какие бы то ни было переговоры с жирондистами. Поэтому не удивительно, что во время произнесения речи Жака Ру со всех сторон конвентского зала раздавались возгласы негодования и призывы лишить оратора слова (большая часть их раздавалась со скамей монтаньяров)³⁶, а председательствовавший в заседании левый якобинец Колло д'Эрбуа неоднократно прерывал Жака Ру и предлагал ему скорее закончить свою речь.³⁷ Когда же Жак Ру закончил свое выступление, то, очевидно, напуганный враждебным приемом, оказанным Конвентом делегатам секции Гравилье, один из членов этой делегации малодушно заявил, что оглашенная Жаком Ру петиция — не та, которая была принята секцией.³⁸ Удивительно ли, что после этого Колло д'Эрбуа осмелился намекнуть, что только что выступивший оратор — агент Кобурга и контрреволюционеров.³⁹ Более того, в то время как остальные члены делегации были приглашены председателем войти в зал и присутствовать на заседании, пытавшемуся последовать за ними Жаку Ру охрана преградила дорогу и ему пришлось остаться стоять у решетки!⁴⁰

После этого на трибуну поднялся дантонист Тюрио, который, отражая жгучую ненависть «новой», спекулятивной буржуазии к плебейским массам, подробно развил лишь мимоходом брошенное Колло д'Эрбуа замечание о том, что Жак Ру — агент контрреволюционеров. «Граждане, — с деланным пафосом восклицал Тюрио, — вы только что выслушали провозглашение чудовищных принципов анархии. Я утверждаю, что сам Кобург не мог бы говорить иначе, и если бы он хотел иметь платных агентов, то он не мог бы выбрать себе лучшего, чем только что выслушанный нами оратор, стремящийся обесчестить Париж».⁴¹ Играя на понятной ненависти всей революционной демократии к контрреволюционному духовенству, Тюрио, далее, демагогически подчеркнул, что Жак Ру, как «священник и достойный ученик фанатиков Вандеи... обрушился на дворянскую и финансовую аристократию, но ничего не сказал о самой гнусной из всех аристократий — священнической». Свою речь Тюрио закончил требованием удалить Жака Ру из Конвента и выяснить «не кроется ли за всем этим чудовищный заговор».⁴²

Сменивший Тюрио на трибуне Максимилиан Робеспьер, хотя и выражался более сдержанно, но по существу развивал те же самые мысли. В заключение он выразил надежду, что прочитанный Жаком Ру адрес «не является выражением пожеланий секции Гравилье».⁴³ Эту же мысль поддержал и тесно связанный с секцией Гравилье смертельный враг Жака Ру левый якобинец Леонар Бурдон, заявивший, что эта секция «категорически протестует против свободобуйственных принципов, развитых в петиции и приносит Конвенту уверение в своем уважении и стремлении подчиниться законам».⁴⁴ В конце концов, несмотря на сделанное Шарлье предложение о немедленном аресте Жака Ру, Конвент согласился с Бийо-Варенном и Лезандром и ограничился постановлением об удалении Жака Ру из Конвента и занесением в протокол заявления представителей секции Гравилье и клуба Кордельеров о том, что прочитанная Жаком Ру петиция — не та, которая была ими одобрена.⁴⁵

Известие об этих событиях не замедлило дойти до происходившего в тот же вечер (выступление Жака Ру имело место на вечернем заседании Конвента) общего собрания секции Гравилье и вызвало там целую бурю. «При этих известиях проявляется чувство всеобщего негодования, и собрание высказывает желание отправиться в полном составе в Конвент, чтобы потребовать возвращения в свое лоно гражданина Жака Ру. Тем не менее, по предложению одного из членов, собрание постановляет поручить секционному комитету общественного спасения выяснить причины ареста⁴⁶ гражданина Жака Ру, немедленно сделать об этом секции доклад и принять все те меры, которые покажутся комитету необходимыми.

«В это время в зале появляется гражданин Жак Ру, встреченный самыми лестными проявлениями любви и уважения его сограждан. Он докладывает обо всем, что произошло в Конвенте, и рассказывает как об оскорблениях, нанесенных ему многими депутатами, так и об отказе Конвента разрешить ему ответить на выставленные против него обвинения. В заключение он просит, для ограждения чести секции, разрешить ему вторично прочесть представленный им Конвенту адрес, дабы его сограждане могли судить — тот ли это самый, которому они выразили свое одобрение.

Чрезвычайно многолюдное общее собрание вторично заслушивает адрес, чтение которого покрывается аплодисментами и единогласно постановляет, что этот адрес тот же самый, что гражданин Жак Ру читал ранее. Секция постановляет, что она еще раз соглашается с выраженными в адресе принципами и поручает своему комитету общественного спасения использовать все доступные ему средства, дабы выяснить, кто тот гражданин, который осмелился в заседании Конвента оклеветать гражданина Жака Ру, заявив, что прочитанный им адрес не тот, что был оглашен в общем собрании секции».⁴⁷ Кроме того секция постановляет, что избранные ею четыре комиссара завтра же отправятся в секцию Бонн-Нувель и в Конвент, дабы сообщить, что представленный Жаком Ру адрес есть действительно тот, который был ранее прочитан, что секция подтверждает свое одобрение изложенным в нем принципам и что она намерена преследовать человека, осмелившегося во время заседания Конвента оклеветать гражданина Жака Ру.⁴⁸

Известие о твердой позиции поддержки Жака Ру, занятой секцией Гравилье в ее заседании 25 июня, быстро распространилось по Парижу. Именно впечатлением, оказанным этим известием, а также происходившими в эти дни волнениями на продовольственной почве⁴⁹ и следует, думается нам, объяснить события, происшедшие на следующий день, 26 июня, в заседании Генерального совета Коммуны. Прокурор Коммуны Шометт огласил статью из газеты «Journal du Soir» с рассказом о выступлении Жака Ру в Конвенте, после чего ряд членов Коммуны потребовал осуждения его принципов.⁵⁰ Однако предложение это принято не было, и Генеральный совет перешел к порядку дня⁵¹, тем самым как бы отказавшись присоединиться к кампании против Жака Ру, поднятой в эти дни якобинцами.

За полупобедой, одержанной Жаком Ру в заседании Парижской Коммуны 26 июня, на следующий день, 27 июня, последовала его полная победа в заседаниях клуба Кордельеров и общего собрания секции Бонн-Нувель, вместе с секцией Гравилье, в свое время одобривших, как мы знаем, оглашенную им 25 июня в Конвенте петицию.

После того, как в заседании клуба Кордельеров 27 июня Жак Ру изложил свои злключения в Конвенте, выступивший вслед за ним Леклерк предложил исключить из числа членов клуба Лежандра, особенно яростно нападавшего на Ру.⁵² Хотя предложение это не прошло, но клуб, говорится в протоколе его заседания 27 июня, — «заслушав вторично чтение петиции, представленной Национальному, Конвенту Жаком Ру от имени Кордельеров и секций, покрыл этот адрес многократными аплодисментами. Клуб заявляет, что петиция соответствует его принципам и заслуживает его одобрения. Клуб постановляет, что петиция будет напечатана, расклеена всюду, где потребует, и разослана секциям и народным обществам. Клуб выражает одобрение гражданину Жаку Ру и раскрывает ему свои братские объятия».⁵³

Что касается до секции Бонн-Нувель, то после довольно двусмысленной речи, произнесенной ее председателем в общем собрании секции 27 июня⁵⁴ и твердого ответа Жака Ру, заявившего, что «одобрение моего адреса санкулотами заставляет меня забыть об оскорблениях»⁵⁵, секция постановила одобрить петицию и признать ее исходящей от ее имени.⁵⁶

Совершенно ясно, что решительный переход Жака Ру в наступление против якобинцев не мог не вызвать сильнейшего отпора со стороны этих последних, тем более, что как раз в эти дни (26—28 июня) в Париже имели место сильно озаботившие их волнения на почве недостатка мыла. Сделав в заседании Национального Конвента 27 июня ряд уступок «бешеным» (в частности, было решено начать преследовать спекуляцию и даже временно закрыть биржу)⁵⁷, якобинцы вместе, с тем решили нанести «бешеным» смертельный удар и выдвинули с этой целью свое сильнейшее орудие — Робеспьера. Выступив в заседании Якобинского клуба 28 июня, Робеспьер со всей свойственной ему энергией обрушился на «человека, прикрытого личиною патриотизма, но намерения которого кажутся, по меньшей мере, подозрительными, осмелившегося оскорбить величие Национального Конвента. Под предлогом того, что конституция не содержит пункта, направленного против барышников, он проповедует, что она не подходит тому народу, для которого она создана».⁵⁸

«Обо всем этом, — продолжал Робеспьер, — не стоило бы говорить, если бы этот интриган, удовольствовавшись тем презрением, которое ему было выражено, постарался бы замолчать свой позор. Но говорят, что этот человек на следующий же день отправился к Кордельерам..., посмел повторить там оскорбление, только что нанесенное им Конвенту. ...Я утверждаю, что единственными врагами народа являются те, кто выступил с предложением против конвента! Только когда мы станем брассотинцами, нам придется нести последствия нашего отступничества, но пока этого не случилось, остерегайтесь интриганов, под маской патриотизма стремящихся лишь снова ввергнуть их в пропасть, из которой мы едва лишь начинаем выбираться.

Неужели вы думаете, что священник, в согласии с австрийцами клеветующий на лучших патриотов, может иметь особенно чистые и законные намерения?.. Думаете ли вы, что можно одним ударом поразить Австрию, Испанию, брассотинцев и Жака Ру? Нет, граждане! Но предоставьте нам заботу о борьбе с ними и не приспешивайте нашей помощи к и так уже слишком могущественным силам аристократов и Ролана...»⁵⁹

Выступивший вслед за Робеспьером член клуба, обозначенный в протоколе буквой С, предложил всем якобинцам, состоящим одновременно членами клуба Кордельеров, отправиться туда на следующий день, чтобы «запросить председателя относительно братских объятий, которых был там удостоен Жак Ру, и постановления клуба о напечатании и расклейке, его речи».⁶⁰ Следующий оратор — Лежандр обвинил Жака Ру и его сторонников в том, что они воспользовались растерянностью председателя клуба Кордельеров Руссильона⁶¹, а присутствовавший в заседании Руссильон не только полностью поддержал эту версию, но и вообще расспылся в извинениях.⁶²

Это поведение Руссильона являлось грозным предзнаменованием для дела Жака Ру, и действительно уже ближайшие дни принесли ему тяжчайшие испытания. 30 июня Якобинский клуб избрал делегацию (в состав ее пошли между прочими Робеспьер и Колло д'Эрбуа)⁶³ для переговоров с Кордельерами, и когда делегация эта в тот же вечер явилась на заседание этого клуба, то Кордельеры сдались и отреклись от всякой солидарности не только с Жаком Ру, но и с Леклерком, причем оба они были тут же исключены из числа членов кордельерского клуба.⁶⁴

Мы, к сожалению, не располагаем отчетом о заседании клуба Кордельеров 30 июня и знаем о нем только то, что было положено 1 июля якобинцам их делегацией присутствовавшей накануне на заседании этого «братского» общества. Вот что говорит по этому поводу официальный протокол заседания Якобинского клуба 1 июля 1793 г.

«Комиссары, посланные в качестве депутации в общество Кордельеров в связи с гнусной петицией священника Жака Ру, просят разрешения дать отчет о счастливых результатах их выступления. Один из них в самых трогательных выражениях рассказывает о том братском приеме, который они встретили в этом обществе еще до того, как они охарактеризовали то опасное заблуждение, в которое общество впало в связи с этой недостойной петицией. ...Общество Кордельеров, составленное из большого числа добрых граждан и непоколебимых друзей свободы, равенства и счастья народа, признало, что оно было введено в заблуждение кучкой интриганов, господствовавших в его предшествовавших заседаниях. Соответственно этому общество решительно осудило петицию, о которой идет речь, и заявило, что она исходила лишь от этих интриганов, а не от внушительного и добродетельного большинства членов общества.

Заслушанные на заседании редактор петиции Жак Ру и Леклерк, один из приспешников, были признаны недостойными быть членами общества, которое они столь гнусно обманули и компрометировали. Их смущение, явившееся результатом разоблачения их ложной популярности, еще больше увеличило испытанные ими моральные терзания».⁶⁵

Значительно больше подробностей, чем в этом официальном протоколе заседания Якобинского клуба 1 июля 1793 г., мы находим в неофициальном отчете об этом заседании, включенном в сборник Олара.⁶⁶ Из этого отчета прежде всего выясняется, что доклад делегации, посетившей накануне клуб Кордельеров, был сделан никем иным, как Колло д'Эрбуа, столь враждебно выступившим против Жака Ру в заседании Конвента 25 июня. Как явствует из его рассказа, а также из рассказа дополнившего его отчет Мора, главные роли в кампании против Жака Ру у кордельеров принадлежали Эберу, «факелом истины осветившему лицо лицемерного священника и сорвавшему с него маску», Моморо и Лежандру.⁶⁷ Кроме того, как это ни странно, против Жака Ру резко выступила и какая-то представительница общества революционных республиканок, до тех пор, как известно, поддерживавшего политику руководителя «бешеных». Вот как Колло д'Эрбуа резюмировал ее речь: «Эта гражданка доказала, что Ру никогда ничего не делал для революции. Она изобразила его в качестве человека, пролезającego в секции и, согласно ее выражению, меняющего своих коньков (changeant de marotte) в зависимости от обстоятельств. В секции Гравилье он говорил нам о голове Людовика Капета, он описывал нам, как эта голова упала с эшафота, и этот рассказ нас радовал. С тех пор, как голова Капета скатилась с его плеч, у Ру вечно на устах спекулянты. Я не знаю, о чем он будет говорить нам через три недели, но я думаю, что к этому времени его карьера будет окончена».⁶⁸

В совершенно иных, само собой разумеется, тонах, нежели те, в которых выдержаны оба только что рассмотренных нами документа, рассказывает о заседании Кордельерского клуба 30 июня сам Жак Ру. Вот что мы читаем по этому поводу в его письме к Марату, направленном несколько дней спустя после описываемых событий:

«...Каких только низких средств не употребляли, чтобы погубить меня в общественном мнении! Люди, заинтересованные в подавлении тех принципов, которые я изложил в знаменитом адресе, представленном мной за несколько дней до этого в Конвент, приобрели силу в клубе Кордельеров. Была избрана депутация из двенадцати членов; сорок человек, не принадлежащих к обществу, заняли места на его скамьях.

Полицейские шпионы, мошенники и торговцы деньгами, вооруженные дубинками и по большей части пьяные, участвуют в прениях и голосуют как члены клуба Кордельеров, которые были в незначительном числе. Трибуны с трех часов были главным образом заполнены лицами, продавшимися, заговорщикам.

Заседание начинается чтением письма Марата, который требует исключения нескольких членов. Один гражданин берет слово и именит депутации. Он заявляет, что установит покойствие в обществе, но разжигает войну. Он требует открытия дебатов по поводу адреса Жака Ру Конвенту, но присутствующему в этом заседании Кордельеров Жаку Ру упорно отказывают в слове. Одним словом, клуб Кордельеров превращается в кабак: там пьют, едят, играют, поют, доносят, угрожают, избивают отдельных членов, исключают, не выслушав их; женщины, мужчины, — все исполняют свои роли...

«...Истинные Кордельеры отомстили за меня... Они недоброжелательно отнеслись к этому позорному заседанию, где были нарушены права человека. Несколько гражданок в порыве негодования разорвали свои членские билеты; некоторые члены сделали то же самое после этого; другие не хотели возобновить их...»⁶⁹

Трудно, конечно, сказать, насколько близка к истине рисуемая Жаком Ру картина заседания Кордельерского клуба 30 июня. Но если принять во внимание, что эти строки были написаны Жаком Ру через несколько дней после описанных событий, надо думать, хорошо известных всему Парижу, то есть все основания предполагать, что написанная им живописная картина, проверить подлинность которой мог каждый желающий, гораздо ближе к действительности, чем то, что говорится в обоих рассмотренных нами выше отчетах.

Но даже если поражение Жака Ру было результатом не того, что буржуазно-демократическое большинство Кордельерского клуба в этот момент испугалось своих плебейских союзников, то все же, несомненно, что одержанная якобинцами победа далась им нелегко. Вот почему выступавшая в заседании Якобинского клуба 1 июля делегация, побывавших накануне у Кордельеров, имела все основания торжествовать и с пафосом восклицать, что Кордельеры, «исключив находившихся в их среде опасных врагов, тем самым возобновили и укрепили узы единения, согласия и братства, всегда связывавшие оба клуба».⁷⁰ Еще больше оснований для подобных утверждений было после того, как 11 июля специально явившаяся в Национальный Конвент делегация от Кордельеров заявила о несогласии этого клуба с петицией Жака Ру.⁷¹

Одновременно с Кордельерами от Жака Ру отреклась и Коммуна. Явившийся на ее заседание 28 июня Жак Ру был встречен чрезвычайно враждебно, а внесенное некоторыми членами предложение об его исключении было не отклонено, а лишь отложено рассмотрением до следующего дня.⁷²

29 июня Жак Ру на заседание Коммуны не явился и было решено, впредь до получения от него исчерпывающих объяснений по поводу выставленных против него обвинений, отрешить его на время от должности редактора издаваемых Коммуной «Афиш».⁷³ А через день, т.е. 1 июля, Коммуна, принимая во внимание, что Жак Ру «оклеветал Конвент» и в настоящее время «изгнан за его антигражданские убеждения из народных обществ и из собрания выборщиков, постановила «выразить порицание его поведению».⁷⁴

Но и это не было последним ударом, нанесенным в эти дни якобинцами Жаку Ру. В № 233 «Публициста Французской республики», вышедшем 4 июля 1793 г, Марат поместил статью под названием «Портрет Жака Ру», в которой поносил Варле, Леклерка и Жака Ру и обвинял последнего в ряде неблагоприятных поступков, как-то: ношении чужой фамилии, сохранении священнического сана при отсутствии действительного религиозного чувства и т.д.⁷⁵

В ответ на эту статью Жак Ру издал брошюру под названием «Жак Ру — Марату», в которой подробно защищался против всех возведенных на него Маратом обвинений. В ней он, между прочим, писал:

«...Я могу выставить один неопровержимый аргумент против клеветы злонамеренных людей, против тебя, Марат, оскорбившего мой патриотизм, против всех тех, кто верит доносам, не содержащим никаких определенных фактов. Найдется ли хоть один патриот, который бы сомневался в том, что я умер бы на эшафоте, если бы произошла контрреволюция? Я могу выставить против них другое, не менее грозное оружие, которое состоит в том, что если они считают меня виновным в тех преступлениях, в которых они меня обвиняют, то я требую, чтобы они донесли на меня в суд. Если они этого не сделают, то я заявляю, что они интриганы, мошенники и трусы; я заявляю, что они — клеветники, изменники и губители свободы...

...Неужели ты думаешь, что конституция прочно укоренилась? Разве ты думаешь, что народу нечего опасаться внутренних и внешних врагов? Или ты думаешь, что мы уже достигли той степени славы и благополучия, на которую мы имеем право? Конечно, нет! В таком случае необходимо, чтобы мужественные, энергичные и порядочные люди разоблачали изменников и почтительно напоминали законодателям об их обязанностях. Надо, чтобы они не били в набат, призывая к восстанию, но чтобы раздался могучий голос разума и мудрости...

...Я согласен, что я в своем адресе высказал жестокие истины. Но разве право петиций есть только право лстить законодателям? Разве это только право прикрывать преступления? Разве это только право безропотно терпеть голод и резню?..»⁷⁶

«...Марат, для совершения революций всегда пользовались людьми с сильным характером. Когда в них больше не нуждаются, их разбивают, как стекло. Было совершенно естественно, Марат, что и я подвергся такой же участи. Впрочем, когда я посвятил себя народному делу, я предвидел не только людскую неблагодарность, но и ожидал также всевозможных преследований. Я спокойно жду смерти, мои враги могут все больше удовлетворять свою жажду мести, я всегда буду говорить правду и моей мезтью будет уважение к республиканской конституции».⁷⁷

Как видно из этих слов, нападки, которым подвергался Жак Ру со стороны якобинцев, и даже последовавшие за этим гонения не поколебали твердости его духа. Но не все его сторонники были, по видимому, столь же тверды: по крайней мере, есть основания предполагать, что некоторая часть секции Гравилье, в которой у Жака Ру было всегда более чем достаточно врагов, теперь за колебалась. Мы, правда, не можем согласиться с Матьезом⁷⁸, рассматривавшим в качестве признака этих колебаний заявление о полном одобрении конституции, сделанное секцией Гравилье Национальному Конвенту 4 июля 1793 г.⁷⁹ Такие заявления делались в это время всеми без исключения секциями Парижа и поэтому в этом поступке секции Гравилье правильнее было бы видеть лишь известную формальность, отнюдь не свидетельствующую о подлинном настроении секции. Иное дело обнаружившееся в эти дни отношение части секции Гравилье к сделанному врагом Жака Ру — Луи Эдмондом Орельи (Oreilly) заявлению о том, что будто бы во время произведенного Жаком Ру осенью 1793 г. сбора денег в пользу гр-ки Борепер, он присвоил себе часть суммы, полученной в результате сбора. Ввиду того, что этот донос и последовавшие за ним события сыграли в судьбе Жака Ру крайне роковую роль, мы позволим себе остановиться на них несколько более подробно, причем иногда окажемся даже вынужденными несколько забежать вперед.

13 сентября 1792 г. проживавшая в Париже сестра знаменитого верденского коменданта Борепера, после смерти своего брата оставшаяся без всяких средств к существованию, по совету некоего Девика, vicария церкви св. Николая на Полях, обратилась за помощью к Жаку Ру, широко известному своей благотворительной деятельностью. Жак Ру, по собственному признанию Борепер, встретил ее с исключительной приветливостью и отзывчивостью и произвел в ее пользу сбор денег как в общем собрании секции Гравилье, так и в заседании парижского собрания выборщиков, членом которого он являлся. Всю сумму первого сбора (85 ливров 6 соль) Борепер получила полностью; что же касается второго, то Жак Ру и Борепер заранее сговорились о том, что половину собранной там суммы он пожертвует в пользу своих неимущих прихожан, о чем, однако, Жак Ру, по ее словам, просил никому не говорить. Получив из рук секретаря собрания выборщиков полученную в ее пользу сумму, Борепер, по ее собственному показанию, не считая денег, отправилась вместе с Жаком Ру на его квартиру. Только там они произвели подсчет, и из оказавшихся налицо 146 ливров 6 соль Борепер получила половину, т.е. 73 ливра 3 соль.

Вот этот-то раздел и послужил для врагов Жака Ру поводом для обвинения его в присвоении части собранных для Борепер денег. Возможность такого обвинения облегчалась двумя обстоятельствами. Во-первых, в то время как Борепер говорила о собранных 146 ливрах 6 соль, протокол заседания собрания выборщиков 13 сентября 1792 г. гласил, что собрано было 179 ливров 3 соль. Во-вторых, в то время как за вычетом врученной Борепер суммы, от полученных в собрании выборщиков денег оставалось по ее словам 73 ливра 3 соль, старая приятельница Жака Ру — вдова Пти, которой по ее словам, Жак Ру заранее обещал дать вторую половину этого сбора, получила лишь 55 ливров. Таким образом, даже если принять за правильную цифру, названную Борепер, а не цифру протокола, то все же возникал вопрос о судьбе остальных 19 ливров 3 соль. Правда, та же самая вдова Пти указывала что она кроме 55 ливров получила от Жака Ру еще 30 ливров, но это относилось уже к январю 1793 г.

Вот эти то обстоятельства и дали врагам Жака Ру повод обвинять его в растрате. В первый раз вопрос об этом был, возбужден врагом Жака Ру — Орельи еще в июле 1793 г., и тогда 7 июля секция Гравилье допросила по этому поводу как саму Борепер, так и вдову Пти. Когда же 22 августа 1793 г. Жак Ру был арестован департаментом полиции Парижской Коммуны, об этом деле вспомнили снова, и вопрос о судьбе собранных в пользу Борепер денег и был первым вопросом, заданным Жаку Ру допрашивавшим его Фруадюром.

Отвечая на этот вопрос, Жак Ру подробно изложил историю своих взаимоотношений с Борепер, за которую он, по его словам, ходатайствовал не только перед общим собранием своей секции и собранием выборщиков, но равным образом и перед Конвентом и клубом Якобинцев. Касаясь противоречия в вопросе о размере собранной в собрании выборщиков в пользу Борепер суммы, Жак Ру утверждал, что так как собранная сумма была передана непосредственно в ее руки, то из этого вытекает, что «если гражданка Борепер получила меньшую сумму, то это может лишь означать, что либо секретарь обсчитался, либо гражданка Борепер потеряла по дороге часть денег, либо, наконец, она обокрала сама себя». Что же касается предположения о возможности присвоения денег, им, Жаком Ру, то оно, по его словам, опровергается как его всем известной благотворительной деятельностью (за последнее время, он, по его словам, потратил на благотворительность 217 ливров, полученных от продажи его литературных произведений), так и сохранившимися до сих пор самыми лучшими отношениями между ним и гражданкой Борепер.

Переходя к вопросу о вдове Пти, Жак Ру заявил, что «хотя 55 ливров и не вполне составляют половину собранной суммы, но она (т.е. Пти — Я.З.) была свидетельницей того, как он дал милостыню двум другим плохо одетым гражданкам. Кроме того, она должна подтвердить, что во время ее болезни в январе месяце он дал ей 30 ливров».⁸⁰

На этом допрос Жака Ру был прерван, а когда он в тот же день снова возобновился, Фруадюр опять обратился к делу Борепер и спросил Жака Ру, почему он просил гражданку Борепер держать в секрете всю историю с разделом собранной в ее пользу суммы. Жак Ру ответил, что Борепер, по-видимому, «приняла за просьбу о молчании выраженное им пожелание, чтобы она не распространяла слух, что он несколько раз подряд делал сборы в ее пользу. Объясняется это тем, что он опасался, как бы некоторые лица, просившие его о помощи, не смогли обвинить его в слишком большом предпочтении одному человеку за счет всех остальных». Что касается до вторичного вопроса Фруадюра о причинах расхождения в исчислении суммы, собранной в собрании выборщиков, то Жак Ру повторил по этому поводу то, что говорил ранее, и снова подчеркнул свою всем известную благотворительность.

Возвращаясь теперь несколько назад, ко дню 7 июля 1793 г., когда революционный комитет секции Гравилье впервые допрашивал вдову Пти в связи с доносом Орельи по делу Борепер⁸¹, необходимо отметить, что враждебный в отношении вождя «бешеных» тон, в котором велся допрос, свидетельствовал о проявившейся в это время явной неприязни к Жаку Ру части заправил его секции.

При таком положении вещей неудивительно, что Жак Ру счел за лучшее не дожидаться дальнейшего развития начатой против него кампании и решил пойти сам навстречу опасности. С этой целью он, не дожидаясь выхода из печати ответа Икрату⁸², решил сам отнести ему корректурный экземпляр, с тем, чтобы таким путем рассеять возникшее между ними недоразумение. Свидание состоялось 9 июля (мы дальше увидим, что позволяет установить эту дату) и мы случайно имеем в руках документ, дающий возможность до некоторой степени восстановить картину происшедшего между собеседниками разговора.

Происхождение этого документа таково. 14 июля 1793 г., т.е. на следующий день после убийства Марата, агент Комитета Общей Безопасности Блаш (Blache) представил в этот комитет сообщение следующего содержания: «Гражданин Грив (Grieve)⁸³ был в прошлый вторник⁸⁴ с гражданином Алэн (Allain) у гражданина Марата. В то время как они разговаривали с последним, к Марату пришел Жак Ру. Марат разговаривал с ним со всей энергией, присущей республиканцу. Жак Ру ушел и уже в дверях бросил на гражданина Марата взгляд, полный ярости, смешанной с негодованием. Этот взгляд удивил Grieve и Allain. Последний также что-то говорил Жаку Ру».⁸⁵

В сообщении Blache были указаны адреса Жака Ру и Grieve, что касается до адреса Allain, то Blache указывал, что Grieve может его дать.⁸⁶ В результате этого сообщения Жак Ру был в этот же самый день, 14 июля, допрошен в конвентском Комитете Общей Безопасности, после чего был отпущен с обязательством явиться по первому требованию. Отбрасывая не интересующие нас в данный момент пункты, приведем те места протокола этого допроса Жака Ру,⁸⁷ которые дают некоторые указания на характер его последнего свидания с Маратом.

Вопрос. Знаете ли Вы Марата?

Ответ. Да, я знаю его, и он нашел приют у меня, когда «его преследовал Лафайетт.

Вопрос. Задолго ли до того, как он был убит, вы видели его?

Ответ. Пять или шесть дней тому назад я был у него, чтобы отнести ему выписку о крещении и письмо, которое я написал ему, чтобы попросить его об опровержении одного из номеров газеты.

Вопрос. Был ли кто-нибудь у него, когда вы зашли к нему?

Ответ. Было человек шесть, насколько я могу вспомнить.

Вопрос. Не было ли у вас спора с Маратом?

Ответ. Никакого.

Вопрос. Каковы были причины вашего посещения?

Ответ. Передача ему письма, потому что я не рассчитывал застать его дома.

Вопрос. Были ли у вас споры с Маратом в этот день?

Ответ. Нет, никаких. Он сказал мне, насколько я помню, что я лицемер.

Вопрос. Когда вы уходили от Марата, не сказала ли вы ему чего-нибудь неприятного?

Ответ. Нет...

Вопрос. Сказал ли вам Марат что-нибудь неприятное?

Ответ. Да, он посоветовал мне прозябать в моем звании.

Вопрос. Когда вы ушли от Марата, не было ли в вашем поведении и в вашем лице чего-нибудь такого, из чего можно было бы заключить, что вы питаете к нему злобу?

Ответ. Нет...

Вопрос. Не было ли вам известно о плане убийства Марата?

Ответ. Нет...

— Гражданин Жак Ру, прежде чем подписать, сказал, что Марат в беседе с ним упрекал его, что в адресе, который он представил у решетки Конвента от имени секции Гравилье в конце июня месяца, он нанес смертельный удар республике, на что он (Ру) ответил, что у него не было такого намерения, что раз конституция принята, он подчиняется ей и употребит все средства к ее защите и поддержке».⁸⁸

Эти последние слова исключительно важны для правильного понимания отношения Жака Ру к конституции 1793 г. и поэтому мы никак не можем согласиться с Альбером Матьезом, который, излагая в своей книге «Дороговизна и социальное движение в эпоху террора», описанные выше события, соответствующую главу своей работы озаглавил так: «Бешеные против конституции 1793 г.»⁸⁹ Никак нельзя, однако, согласиться с такого рода формулировкой. **Борьба Жака Ру за дополнение конституции 1793 г. пунктами, которых в ней не было, еще ни в какой степени не означала его враждебного отношения к тому, что в ней содержалось.** Достаточным доказательством этого может служить хотя бы то обстоятельство, что когда через несколько дней после смерти Марата Жак Ру взялся за продолжение от своего имени издания его газеты, то в ней он писал, что выработанная Конвентом конституция «составит краеугольный камень общественного, благоденствия».⁹⁰ Точно так же во время своего допроса 27 августа 1793 г. в полицейском департаменте Парижской Коммуны Жак Ру подчеркивал, что он не только не является противником новой конституции, но что и «его требование о дополнении конституции 1793 г. статьей, карающей спекуляцию, относится к тому времени, когда эта конституция еще не была утверждена народом».⁹¹

Более того. Вопреки утверждению Матьеза о том, что Жак Ру был против конституции 1793 г., факты показывают, что именно его борьба за эту конституцию явилась одной из причин его конечного поражения и гибели. В самом деле — известно, что под давлением обстоятельств, связанных с усилившейся угрозой торжества внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, Национальный Конвент 10 октября 1793 г. декретировал, что «порядок управления Францией вплоть до заключения мира будет революционным», т.е. иначе говоря, что вплоть до этого момента откладывается введение в действие демократической конституции 1793 года. Тем самым было по-сложено начало системе революционного порядка управления и массового революционного террора, составивших основные элементы «плебейского способа разделаться с врагами буржуазии».⁹² Однако, в результате буржуазной ограниченности якобинцев, система революционной диктатуры, в основном и главном бывшая по контрреволюционерам всех мастей, вместе с тем в некоторой степени оказалась направленной и против представителей плебейских масс, боровшихся за удовлетворение их специфических интересов. Это толкнуло «бешеных» на глубоко ошибочный и противоречивший интересам революции путь оппозиции системе; революционно-демократической якобинской диктатуры. Поскольку же юридическим основанием существования таковой являлся декрет с отсрочке введения в действие конституции 1793 г., то сущность и цель борьбы «бешеных» против революционной диктатуры должна была принять форму борьбы за немедленное осуществление этой конституции. И действительно, в № 266 и последующих номерах своей газеты, написанных уже в тюрьме, куда он был заключен 6 сентября 1793 г., Жак Ру негодовал по поводу того, что «созданная нами прекрасная конституция была, очевидно, принята только для того, чтобы ее поминутно нарушать»⁹³ и сравнивал членов правительственных комитетов с римскими децемвирами, «узурпирующими все власти».⁹⁴

Мы видели, какое возмущение вызвало у якобинцев выступление Жака Ру в Конвенте 25 июня 1793 г. Каково же должно было быть их негодование теперь, когда Жак Ру не только осмеливался критиковать политическую линию Конвента и правительственных комитетов, но и прямо призывал народ к свержению власти «децемвиров»? «Господин Жак Ру, — читаем мы в номере якобинского официоза «Антифедералист» от 6 июля 1793 г. — в одном из последних номеров своей газеты делает страстный выпад против революционных комитетов секций и против граждан, стоящих во главе правительства... Жак Ру рассчитывает на презрение установленных властей к памфлетам; это презрение может стать опасным».⁹⁵

Призыв официоза был услышан. 25 нивоа (14 января 1794 г.) Жак Ру предстал перед трибуналом исправительной полиции, заседавшем в Шатле. Этот трибунал признал дело себе неподсудным и постановил передать его на рассмотрение Революционного Трибунала.⁹⁶ Прекрасно понимая, что в условиях того времени для него из Революционного Трибунала, мог быть только один путь — на гильотину, Жак Ру решил не дожидаться этого конца и тут же, в помещении суда исправительной полиции нанес себе несколько ран имевшимся у него небольшим ножом.⁹⁷ Однако, раны эти оказались не смертельными и, помещенный в больницу при Бисетрской тюрьме, Жак Ру стал поправляться. Тогда 21 плювиоза (9 февраля 1794 г.) он снова сделал попытку самоубийства.⁹⁸ На этот раз раны оказались смертельными, и уже на следующий день, 22 плювиоза, Жак Ру скончался.⁹⁹

Итак, действительный характер отношения Жака Ру к конституции 1793 г. раскрывается перед нами в его борьбе за дополнение этой конституции, отражавшие тогдашние социальные и политические требования плебейских масс (установление общего максимума, кары для спекулянтов, дальнейшая чистка Конвента, расширение революционного террора и т.д.). При этом необходимо помнить о тех огромных надеждах, которые «бешеные» (опять таки в полном соответствии с чаяниями этих масс) возлагали весной 1793 г. на новую, истинно республиканскую конституцию. Выражая эти чаяния, Жак Ру в принадлежащей его перу петиции секции Гравилье от 27 мая 1793 г., обращаясь к депутатам Горы, взывал к ним, убеждая как можно скорее дать стране «республиканскую конституцию, по которой мы так давно вздыхаем». Именно Жаку Ру и принадлежит та огромная историческая заслуга, что в рассмотренных нами выше его выступлениях лета 1793 г. была с наибольшей отчетливостью выражена глубоко социальная направленность надежд, возлагавшихся плебейскими массами на конституцию 1793 г.

В этой конституции плебеи стремились увидеть сформулированными в виде статей основного закона те их требования, которые призваны были ограничить аппетиты повои, спекулятивной буржуазии и утвердить те «плебейские» меры борьбы, в которых эти массы видели надежное оружие не только против роялистской контрреволюции, но и против контрреволюционной крупной буржуазии.

Правда, несмотря на значительные отличия якобинской конституции 1793 г. от проекта, выдвинутого Робеспьером в его речи 24 апреля 1793 г., в ней был в крайне общей, расплывчатой форме записан ряд социальных прав трудящихся. Однако, как общий контекст этого буржуазного в своей классовой основе документа, провозглашавшего неприкосновенность частной собственности, так и в особенности реальная практика его творцов — великих, но буржуазных революционеров-якобинцев, убедительно говорили плебейским массам и их первым идеологам «бешеным» о явной недостаточности этих статей. Отсюда не могла не возникнуть мысль о необходимости каких-то более реальных гарантий того, что свобода и республика не станут пустыми призраками в условиях безнаказанного хозяйничанья спекулятивной буржуазии. Конечно, на этом этапе борьбы плебейских масс, выраженные «бешеными» их представления о действительном социальном равенстве отличались еще крайней расплывчатостью, и затрагивали почти исключительно область распределения и потребления, т.е. сферу обращения, а не производства. Однако и в этом своем виде эти представления заключали в себе ту критику формального, юридического равенства, которая подготовляла вывод о том, что иным это равенство быть и не может до тех пор, пока сохраняется сама частная собственность.¹⁰⁰

Творцы конституции 1793 г. — якобинцы, обеими ногами стоявшие именно на почве признания права собственности (хоть и ограничиваемого их собственными эгалитарными устремлениями) незыблемой основой всякого общества, всякого, в том числе и идеального правопорядка, инстинктивно ощущали эти социальные потенции критики «бешеных», возглавляемых Жаком Ру. Поэтому они не могли не отнестись к этой критике с нетерпимостью и озлобленностью, которые вызывались не только и столько тем, что в этой критике содержалось, сколько в тех далеко идущих выводах и последствиях, к которым она вела. Отсюда ожесточенность борьбы между якобинцами и «бешеными» во время обсуждения в Конвенте в июне 1793 г. проекта новой конституции, которая при данном соотношении сил могла закончиться лишь поражением и последующим разгромом последних. Однако это выступление Жака Ру и «бешеных» отнюдь не прошло бесследно.

Оно сыграло немаловажную роль в своего рода идеологической подготовке «плебейского натиска» 4-5 сентября 1793 г. Итогом его было, как известно, если и не включение положений о максимуме и революционном терроре в текст уже принятой к тому времени конституции 1793 г., то осуществление этих важнейших социально-политических требований плебейских масс в соответствующих законодательных актах якобинской диктатуры в период наибольшего усиления ее революционно-демократического характера. А это, как известно, произошло именно под прямым воздействием на якобинцев со стороны плебейских масс и в результате частичного осуществления якобинцами осенью 1793 г. программы социальных требований масс, впервые сформулированных «бешеными» и их вождем — Жаком Ру.

ЖАК РУ И ЯКОБИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1793

1 См. Я.М.Захер, Жан Варле после 9 термидора (Вестн. ЛГУ. 1960, № 20).

2 J.Jaures. Histoire socialiste de la Revolution Francaise, ed. Mathiez, t.VIII, pp.164—166. Уже после написания данной статьи появилась работа Вальтера Маркова, в которой этот источник также обстоятельно рассматривается (см. W.Markov. Robcspierristen und Jacque-routins, „Maximilien Robespierre“, 1752—1794, Beitrage zu seinem 200 Geburtstag. Berlin, 1958, SS.176—178).

3 Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx Universitat Leipzig/ 1958—1959, Gesellschafts und Sprachwiss. Reihe, H.2, SS.277—303. См. также В.Марков. Рукопись Жака Ру «О причинах несчастий французской республики», с приложением русского перевода текста рукописи. Французский ежегодник. 1959, М., 1961, стр.528-567.

4 Discours sur les causes des malheurs de la Republique Francaise. Archives Nationales, W20.

5 В изданной Жаком Ру брошюре, содержащей текст его петиции к Конвенту от 25 июня, на которой мы остановимся ниже, имеется объявление о предстоящем выходе в свет «Речи о причинах несчастий Французской Республики».

6 К числу этих преступлений Жак Ру относит предоставление, согласно конституции 1791 г, слишком широких нрав королю, пересмотр перед роспуском Конституанты этой конституции в реакционном духе, бойню на Марсовом поле и т.д.

7 Discours, p.5.

8 Ibidem, p.6.

9 Ibidem, pp.6-7.

10 Ibidem, p.8.

11 Ibidem, p.9.

12 Ibidem, pp.9—10.

13 Ibidem, p.10.

14 Ibidem, p.10.

15 Ibidem, p.14.

16 Ibidem.

17 Ibidem, p.15.

18 Ibidem, p.14.

19 Discours, p.15.

20 Ibidem p.16.

21 Ibidem.

22 Ibidem, p.18.

23 Discours, p.19.

24 Discours, p.20. Подробнее об этих предложениях Жака Ру см. Я.М.Захер. Социально-экономические и политические взгляды Жака Ру. Исторические науки, 1960, № 1.

25 Reimpression de l'ancien Moniteur, t.XVI, p.630,

26 Ibidem, p.637.

27 A.Aulard. La Societe des Jacobins. t.V, p.273.

28 Тексты петиций Жака Ру, содержащиеся в «Moniteur», «Archives parlementaires» и в сборнике Buchez et Roux представляют собой конспект, весьма существенно отличающийся от оригинала. Подлинный текст петиции содержится в рукописи, находящейся в картоне W20 Национального архива (Париж) и перепечатан в изданной вскоре после того Жаком Ру брошюре, экземпляр которой имеется в том же картоне. Брошюра эта была перепечатана Матьезом в № 4 «Annales Revolutionnaires», 1914. На это издание мы в дальнейшем и будем ссылаться.

29 Annales Revolutionnaires. 1914, p.548.

30 Ibidem, pp.549, 552.

31 См.выше

32 Annales Revolutionnaires. 1914, p.549

33 Ibidem pp.549—552.

34 Ibidem, p.550.

34а Новейший биограф Жака Ру — Морис Домманже, анализируя петицию 25 июня, пишет, что «из всех видов эксплуатации Жак Ру обращает внимание только на эксплуатацию рабочего нанимателем и потребителя — купцом». Maurice Dommanget, Jacques Roux (le cure rouge) et le Manifesto des Enrages, 1950, p.55.

Значение петиции 25 июня подчеркивают и G.Rude и A.Soboul, которые ее рассматривают не только как манифест «бешеных» (выражение А.Матьеза. — Я.З.), но и как манифест санкюлотов (G.Rude et A.Soboul, «Le maximum des salaires parisiens etie 9 thermidor», «Annales historiques de la Revolution Francaise», 1954, № 134, p.4. О «бешеных» как «наиболее полных выразителях умонастроения санкюлотов» см. G.Lefvbre, «Etudes sur la Revolution Francaise», 1954, p.21. Ср. также G.Rude, «The Motives of Popular Insurrection in Paris during the French, Revolution» (Bulletin of the Institute of Historical Research, vol.XXVI May. 1953, № 73, pp.64—65).

35 Moniteur. t.XVII, pp.156-157.

36 Archives parlementaires, 1 serie. T.LXVII, p.458.

37 Ibidem.

38 Ibidem.

39 Ibidem, p. 459.

40 Ibidem.

41 Ibidem. " Ibidem.

43 Ibidem.

44 О взаимоотношениях Леонара Бурдона и руководимой им группировки секции Гравилье с группой Жака Ру см. «Поледний период деятельности Жака Ру» (ФЕ-58. М., 1959; Walter Markow, op.cit.).

45 Archives parlementaires. t.LXVII, p.459.

46 Полученная секцией Гравилье неточная информация гласила, что Жак Ру арестован.

47 В книге протоколов революционного комитета секции Гравилье под датой 27 июня 1793 г между прочим говорится: «Ввиду того, что общие собрание секции поручило Комитету вызвать гражданина, дезавуировавшего петицию, представленную Национальному Конвенту 25 числа текущего месяца от имени секции Гравилье, гражданину этому предложено немедленно явиться». Фамилия этого гражданина в протоколе не указана. (Arch.Nat., F7 2486).

48 Section des Quavilliers. Assemblée generate permanente. Extrait du registre de l'assemblee generale du 25 (в тексте сказано «23», но это явная описка. — Я.З.) juin 1793; l'an 2 de la Republique Francaise une et indivisible. Выписка подписана: Ultrick, president. Boesset, secretaire, Arch. Nat., W30. Документ этот перепечатан Матьезом в «Annales Revolutionnaires» за 1914 г.

49 См. А.Матьез. Дороговизна и социальное движение в эпоху террора. М., 1929. стр.173—175. См. также A.Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin 1793 — 9 Thermidor an II. 1958, pp.59—62; G.Rude. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959, pp.125—126.

50 Moniteur, Reimpression. t.XVI, p.754.

51 Ibidem.

52 Courrier francais, I-VII-1793. Цитируем по А.Матьез,ук.соч., стр.177-179.

53 Extrait du registre des deliberations de la societe des Cordeliers scant rue de Thionville ci-devant Dauphine du 27 juin 1793 2-me an de la Republique, Arch.Nat/ W²⁰.

54 Reponse du President de la Section de Bonne-Nouvelle a Jacques Roux apres la lecture de sa petition a la Convention Nationale", Arch.Nat, W²⁰.

55 Reponse de Jacques Roux au President de la Section de Bonne—Nouvelle, Arch.Nat. W²⁰.

56 Arch.Nat. W²⁰.

57 Archives parlementaires, t.LXVII, pp.543—545.

58 La Societe des Jacobins. t.V, pp.277-278.

59 La Societe des Jacobins. T.V, pp.278—279.

60 Ibidem, p.279.

61 Ibidem, pp.279-280.

62 Ibidem p.280. В официальном протоколе заседание Якобинского клуба 28 июня изложено чрезвычайно кратко, причем отмечается лишь, что выступивший против Жака Ру «один член» утверждал, что Ру «провоцировал грабеж», и вообще является «врагом народа, стремящимся погубить Париж, вызывая в нем самые ужасные беспорядки». Extrait du proces— verbal de la seance du 28 juin de la Societe des Jacobins de Paris, Arch.Nat., W²⁰.

- 63 La Societe des Jacobins", t.V, p.281.
- 64 Варле не был исключен, так как клуб признал, что «этот молодой человек действовал лишь по легкомыслию, но обладает добрым сердцем и оказал революции много услуг». Подробно о деятельности Варле летом 1793 г. см. Я.М.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры (Новая и новейшая история, 1959, № 2)
- 65 Extrait du Procès—verbal de la seance du 1 juillet de la Societe des Jacobins de Paris. Arch.Nat. W²⁰. Другой, дословно совпадающий с цитированным, экземпляр этого отчета содержится в Arch.Nat. BB3, dossier 63 и перепечатан Матьезом в Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1932, pp.349-350.
- 66 La Societe des Jacobins, t.V, pp.281—284.
- 67 Ibidem, pp.282—283.
- 68 La Societe des Jacobins, t.V, p.283.
- 69 Jacques Roux a Marat, Arch.Nat. W20, Bibl. Nat. Ln²⁷ 18057. Перепечатано Матьезом в № 4 Annales Revoiuionnaires, 1916 г. Дальнейшие ссылки даны на это издание.
- 70 Extrait du proces— verbal de la seance de la Societe des Jacobins de Paris du 1 juillet. Arch.Nat., W²⁰. В отчете о заседании 1 июля, включенном в сборник La Societe des Jacobins, t.V, эти слова отсутствуют.
- 71 Moniteur, t.XVII, p.108.
- 72 Ibidem, p.2.
- 73 Commune de Paris. Le 29 juin 1793, l'an 2-me de la Republique Francaise. Extrait du registre des deliberations du Conseil General, Arch. Nat, W²⁰. Ср. также Moniteur, t.XVII, p.10.
- 74 Commune de Paris, Le 1 juillet 1793, l'an 2-me de la Republique Erancaise. Extrait du registre des deliberations du Conseil General, Arch.Nat. W20; Moniteur, t.XVII, p.27.
- 75 Ж.-П.Марат. Избранные произведения, т.III, М., 1956, стр.332— 335.
- 76 Jacques Roux a Marat. Arch.Nat., W²⁰; Bibl. Nat., Ln²⁷ 18057; Annales Revolutionnaires, 1916, pp.530—541. Подробнее об этом обмене статьями между Маратом и Жаком Ру см. M.Dommanget. Jacques Roux (le cure rouge) et le Manifeste des engrages.
- 77 Annales Revolutionnaires, 1916, pp.536—541.
- 78 А.Матьез, ук.соч., стр.184.
- 79 Archives parlementaires, t.LXVIII, p.250.
- 80 Extrait du Registre des deliberations des Comites civil et de surveillance reunis de la section des Gravillers. Oreilly. Arch.Nat., W²⁰.
- 81 Extrait du registre des proces—verbaux du Comite de surveillance de la section des Gravilliers du 7 juillet 1793, l'an 2-me de la Republique une et indivisible". Arch.Nat., W²⁰.
- 82 В конце брошюры «Jacques Roux a Marat» официально удостоверено, что «ответ Жака Ру Марату был написан до убийства «друга народа». Из этого видно, что брошюра вышла уже после убийства Марата.
- 83 О нем см. A.Mathlez. La Revolution et les Strangers.
- 84 Так как этот вторник приходился на 9 июля, то значит посещение Марата Жаком Ру относится именно к этому дню.
- 85 Pour avis au Comite de Surete Generale. Arch.Nat., F⁷43851 (картон содержит материалы следствия по делу об убийстве Марата).
- 86 Ibidem.
- 87 Arch.Nat. F7 4385i. Перепечатано у M.Mortimer-Ternaux. Histoire de la terreur. t.VIII, pp.520—522.
- 88 Arch. Nat., F⁷ 4385.
- 89 А.Матьез, ук.соч.
- 90 Le Publiciste de la Republique Rrancaise par l'Ombre de Marat" . № 245, p.4, Bibl. Nat., Lc2 227.
- 91 Commune de Paris. Departement de police. 23 aodt 1793, Arch..Nat. W²⁰.
- 92 К.Маркс, Буржуазия и контрреволюция, К. Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.6, стр.114.
- 93 Le Publiciste de la Republique Francilse, № 266, p.7.
- 94 Ibidem, № 268, p.8.
- 95 Цит. по Матьез, ук.соч., стр.274.
- 96 Протокол заседания трибунала исправительной полиции Парижской Коммуны 25 нивоза II года. Arch. Nat., W20.
- 97 Там же.
- 98 Extrait du proces—verbal de Jacques Roux du 1 ventose. Arch.Nat. W20.
- 99 Extrait des registres de naissances mariages et deces des citoyens de la commune de Gentilly, departement de Paris. 23 pluviouse. Arch.Nat.,W²⁰.
- 100 Подробнее об этом см. Я.М.Захер. Политические и социально экономические взгляды Жака Ру (Исторические науки, 1960, № 1).